

Я пришел к ящерицам, которые обитали на пустынном горном склоне, поскольку они ближе всего находились к небу. Посреди теперь успокоившихся камней через скалы начинали пробираться новые саженцы в знак продолжения жизни. Колония на склоне горы последовала примеру выносливых молодых деревьев и осталась в холодном климате. Я гордился их трудолюбием в той же мере, в какой мне было больно от их продолжающихся страданий. Единственным утешением, которое я мог им предоставить, пока они работали над последствиями стихийного бедствия, была моя непоколебимая уверенность в их силе духа.

Если бы я дал им небо, несомненно, их страдания бы уменьшились. Я отчаянно желал этого для них. Со временем их примитивное оперение естественным образом стало больше, и тонкие волосовидные щетинки начали расширяться и редеть, создавая больше перьевого покрытия для изоляции.

Как только я увидел первых молодых ящериц, рожденных с перьями, я вспомнил птиц. Единственными летающими существами здесь были маленькие насекомые, наряду с другими мелкими видами ящериц в лесу, получившими возможность легко скользить по деревьям. Ничто не парило над головой кроме облаков. Я мог вспомнить желание и зависть, которые я испытывал по отношению к тем существам, которые летали так красиво и свободно по небу.

Но мое воспоминание о птицах преподнесло одну проблему. Их руки служили их крыльями. Я посмотрел на их руки - плод моего первого труда. Их руки сделали их мощными, и позволили им делать гораздо больше, чем меньшим существам вокруг них. Придется ли мне пожертвовать этими руками для того, чтобы они поднялись в небо? Я не хотел этого. Было ли слишком эгоистично с моей стороны желать, чтобы они сохранили свои руки, в то время как они парили в небе?

Во-первых, возможно, было слишком эгоистичным с моей стороны хотеть небо. Они не знали зависти, которую мой народ испытывал к этому недостижимому месту. Единственные летающие существа здесь рассматривались как еда, а не предмет для зависти. В то время как я спорил сам с собой, я начал процесс с тем, что я знал, что мог сделать.

Пернатые ящерицы были преимущественно меньше, чем их лесные и береговые братья и сестры из-за жестких условий окружающей среды, которые не позволяли расти. Вес будет решающим фактором возможного полета. Мышцы были тяжелыми, также как и кости. Я знал, что толстые, твердые кости не были хороши для полетов больших животных. Они не должны были быть тоньше, это сделало бы их слишком хрупкими. Они должны были быть полыми. Действительно полые кости по-прежнему были слишком слабы, поэтому внутри полостей должны были быть опорные конструкции, система внутренних опор, которые бы укрепляли их и продолжали переносить важные питательные вещества по всему организму.

Стоило мне начать делать полыми кости развивающихся ящериц, я почувствовал что-то странное. Оно ощущалось как покалывание, за исключением того, что не было у меня тела, которое могло бы покалывать. Я желал знать, что это было за странное ощущение. С завершением других моих проектов для ящериц, я имел возможность уделять больше своего времени задаче потенциального полета, но это чувство всегда находилось на заднем плане, пока я работал. Поскольку я посвятил всего себя данной задаче, она развивалась гораздо быстрее, чем уход за жабрами, ногами и другими подобными вещами, над которыми я работал одновременно. Их перья уже развивались в том направлении, чтобы стать длиннее и более жестче, я всего лишь помогал им с этим.

Время шло, и становилось очевидно, что я должен был принять свое окончательное решение в ближайшее время. Их тела становились все легче, но какой цели они бы служили, если бы она в конечном итоге не привела их к полету? Я все еще находился в смятении. Был ли полет моей эгоистической прихотью или светлым будущим для моих ящериц или чем-то средним между этим? Действительно ли я хотел неба для них или же я хотел его для себя? Я знал лишь, что зависть к небу была только моей.

Я ушел в себя. Перелом должен был наступить в ближайшее время. Я не должен был быть нерешительным, когда придет время. Я позволил себе упасть в воспоминания о моих покойных ящерицах, позволяя себе ощущать то, что чувствовали они в течение жизни. Они имели свою долю трудностей и борьбы, но в основе всего лежало ощущение удовлетворения своей участью в жизни. Они имели амбиции для себя и для своих семей, некоторые были реализованы, некоторые нет. Но высоких целей вне их досягаемости было мало, а если и были, то очень редкие.

Я позволил себе блуждать по ящерицам, на которых я непосредственно влиял. Нежный кустарник прожила жизнь для себя, имея такую же тенденцию, как и ее тезка, и она была очень счастлива. Поджигатель, чья жизнь закончилась преждевременно, был мало мотивирован до открытия огня, но обнаружил цель в жизни после этого. И Звездный свет; я задавался вопросом, была ли она обременена осознанием того, что где-то там было что-то большее, но когда я позволил себе стать единым с ее памятью, я почувствовал и бремя, и счастье в хрупком равновесии. Она пронесла свои знания через всю свою жизнь, и в какой-то момент эти знания заставили ее почувствовать себя преданной. Но в конце концов, она вернулась к тому, чтобы принять их, потому что она любила их все это время, даже если не могла полностью их понять. Сильный свет была рождена под моим влиянием, и прожила свою жизнь, как она желала; сильно, мощно, и красиво.

А потом, Маленький лидер. Он был первым, происхождением всего моего влияния. Он так далеко отошел от ящериц настоящего, но его знания о том, что нужно делиться, возвели весь его вид в величие. Если бы он не поделился своими знаниями, вполне вероятно, ящеры по-прежнему были бы немногим больше одиноких странников, довольствующихся поисками пищи, спаривающимися и надеющимися дожить до следующего дня. Они бы не знали, что им не хватало знаний и довольствовались бы этим. Но Маленький лидер показал им больше. Он открыл двери, которые они даже не могли себе представить. В связи с тем, что он обладал этими знаниями и потому, что он свободно передал эти знания своим товарищам, они выросли в ящериц, которых я так нежно сейчас любил.

Я чувствовал, что мое решение утвердилось. Они не знали радость неба и были довольны этим. Но я покажу им. Я поделюсь с ними знаниями, лежащими за горизонтом, которые они могли бы достичь самостоятельно. Я бы дал им крылья, с помощью которых они бы достигли их.

Ощущение покалывания, которое по-прежнему присутствовало в виде тихого фонового шума, стало громче, как только я пришел к своему заключению. Я мог чувствовать его всем моим существом сейчас. Это было предупреждение. Оно не было о том, что небо было вне досягаемости, оно также было не о надвигающемся бедствии, которое должно произойти. Оно было о том, что это будет моим последним большим усилием. Каким достойным стремлением оно бы было. От глубин моря через густые леса к вершинам неба мои ящерицы смогут свободно перемещаться, как им хочется. Я бы предоставил им эту окончательную свободу.